

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.61>

Шашкова Валентина Николаевна

[Специфика языковой формы статей Уголовного кодекса Российской Федерации и Примерного уголовного кодекса Соединённых Штатов Америки, посвящённых преступлениям против жизни и здоровья](#)

Цель исследования состоит в выявлении специфики языковой формы статей-аналогов, посвящённых преступлениям против жизни и здоровья, в Уголовном кодексе Российской Федерации и Примерном уголовном кодексе Соединённых Штатов Америки с учётом типовых механизмов номинации и синтаксических моделей построения комплексных номинативных единиц. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые в сопоставительном плане рассматриваются номинативы, именующие преступления против жизни и здоровья, с точки зрения выявления базовых черт номинации. В результате исследования среди общих механизмов номинации были выявлены уточнение сигнификативного значения, метонимия и конверсия. Модели комплексных номинативов обусловлены языковым строем: сходство выявлено лишь на уровне семантической валентности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/10/61.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 313-318. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/10/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.61>

Дата поступления рукописи: 25.08.2020

Цель исследования состоит в выявлении специфики языковой формы статей-аналогов, посвящённых преступлениям против жизни и здоровья, в Уголовном кодексе Российской Федерации и Примерном уголовном кодексе Соединённых Штатов Америки с учётом типовых механизмов номинации и синтаксических моделей построения комплексных номинативных единиц. *Научная новизна* работы заключается в том, что в ней впервые в сопоставительном плане рассматриваются номинативы, именующие преступления против жизни и здоровья, с точки зрения выявления базовых черт номинации. *В результате* исследования среди общих механизмов номинации были выявлены уточнение сигнификативного значения, метонимия и конверсия. Модели комплексных номинативов обусловлены языковым строем: сходство выявлено лишь на уровне семантической валентности.

Ключевые слова и фразы: номинативная единица; механизмы номинации; сигнификативное значение; метонимия; конверсия.

Шашкова Валентина Николаевна, к. филол. н., доц.

Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова
valentina.shash@mail.ru

Специфика языковой формы статей Уголовного кодекса Российской Федерации и Примерного уголовного кодекса Соединённых Штатов Америки, посвящённых преступлениям против жизни и здоровья

Актуальность настоящего исследования, с одной стороны, определяется внешними факторами: в силу отличий правовых систем выбранная для анализа референтная область изобилует номинативными единицами, которые отличаются как по объёму семантического содержания, так и по структурным характеристикам. С другой стороны, актуальность выбранной темы обусловлена тем, что в теории номинации к настоящему моменту накоплен значительный материал, на основании которого возможно выявить модель презентации единиц, формирующих семантическое поле, которую далее можно будет использовать для лингводидактических целей при обучении иностранному языку для специальных целей.

В нашем исследовании ставятся *задачи* рассмотрения языковой формы анализируемых статей в русском и английском языках и выявления доминантных механизмов номинации и синтаксических моделей именных и глагольных фраз, обусловленных типом дискурса, при внимании к разграничению базовых черт, проявляющихся в текстах нормативных правовых актов независимо от языка, их оформляющего, и черт, обусловленных языковым строем языка.

В процессе исследования применялись следующие общенаучные *методы* теоретического научного познания: анализ, синтез, обобщение, классификация исследуемого материала, а также методы эмпирического познания: наблюдение, описание, сравнение.

Теоретическую базу исследования составили труды признанных специалистов в области теории номинации, а именно: В. Г. Гака [5], Г. В. Колшанского [8], Н. Г. Комлева [9], Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой [11; 14], Е. С. Кубряковой [10]. Теория номинации в статье представлена сквозь призму дискурсивной парадигмы [6], предопределяющей избирательность языковых средств под воздействием прагматических факторов сферы коммуникации при внимании к функционально-ролевому принципу экспликации элементов позиционального содержания [4; 7; 15].

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов в качестве дидактических средств в процессе преподавания английского языка как иностранного при изучении тем уголовно-правовой специфики.

Материалом для исследования послужили статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) 105, 109, 110, 110.1-110.2, 111, 112, 115, 118 и 119 и Примерного уголовного кодекса Соединённых Штатов Америки (Model Penal Code) (далее – МРС) 210.2-210.5, 211.1-211.3.

Исследование номинативных единиц, используемых для описания референтной области «Преступления против жизни и здоровья» в нормативных правовых актах проводилось комплексно с учётом ряда параметров. Так, в частности, мы ориентируемся на следующие ключевые аспекты объекта исследования:

- механизмы номинации, использованные в номинативных единицах обоих языков при именовании преступлений против жизни и здоровья;
- синтаксические модели построения комплексных номинативов, представляющих собой словосочетания, использованные в наименованиях преступлений против жизни и здоровья в УК РФ и МРС.

Для проведения сопоставительного исследования по указанным направлениям необходимо сделать несколько теоретических уточнений, которые лягут в основу методологической платформы исследования.

Итак, мы целенаправленно используем термин «номинативная единица», а не «лексическая единица», так как лексическая единица типично ассоциируется с лексемой, которая реализуется однословно. Термин «номинативная единица» нам представляется наиболее подходящим для нашего исследования не только

потому, что он отражает целевой компонент единицы, коим является номинация, но по причине комплексного характера номинации. Мы исходим из того, что все рассматриваемые единицы в языке сформированы в лексико-семантические поля, и они реализуют концепты, относящиеся к определённой референтной области. Референтная область, в свою очередь, не только обуславливает тематическое содержание и «тематический репертуар» (термин Т. А. ван Дейка [6]) лексико-семантического поля, но и его закреплённость за определённой сферой коммуникации, а значит, и за определённым типом дискурса. Из трёх типов номинации, а именно лексической, пропозитивной и дискурсивной [11, с. 121], нас в исследовании интересует лексический и пропозитивный типы номинации.

Общий комментарий касательно специфики номинации затрагивает в первую очередь сигнификативный компонент лексического значения номинативной единицы, что очевидно проявляется при анализе аналогов на двух языках. Так, русской лексеме «убийство» в МРС соответствуют варианты, которые разнятся по семантическому объёму: *criminal homicide* – *преступное человекоубийство* (здесь и далее перевод автора статьи. – В. Ш.), которое включает в себя *простое убийство (manslaughter)*, *тяжкое убийство (murder)* или *убийство по небрежности (negligent homicide)*. Родовой термин “*criminal homicide*” (преступное человекоубийство) включает в себя преступное деяние, будь то случайное или умышленное: убийство, непредумышленное убийство и непреднамеренное убийство. Приведённые примеры свидетельствуют о том, что в одном слове в английском языке может быть закодирован комплексный концепт, для передачи которого в русском языке используются дополнительные лексические единицы. Притом внимания требует и тот аспект, что переводы могут быть вариативными. Принимая во внимание стабильность употребления, можно сделать предварительное предположение о достаточно высокой степени идиоматичности в комплексных номинативах.

Среди механизмов номинации мы традиционно дифференцируем прямые и косвенные [2, с. 52; 5, с. 243; 11, с. 5, 129; 16, с. 193-194].

Среди механизмов прямой номинации в качестве типового и наиболее частотного для текстов нормативных правовых актов был установлен механизм уточнения сигнификативного значения комплексного номинатива посредством добавления лексической единицы [16, с. 193]. Анализируемые тексты статей УК РФ и МРС, посвящённые рассмотрению преступлений против жизни и здоровья, не являются исключением из общего правила. Обратимся к примерам: «*убийство матерью новорождённого ребёнка в условиях психотравмирующей ситуации*» (статья 106 УК РФ) [13], «*убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны*» (статья 108 УК РФ) [Там же], «*причинение смерти по неосторожности*» (статья 109 УК РФ) [Там же], а также «*принудительные работы*» (статьи 108-109 УК РФ) [Там же], «*лишение права занимать определённые должности*» (статьи 109, 110, 110.1 и 110.2 УК РФ) [Там же], «*лишение права заниматься определённой деятельностью*» (статьи 109, 110, 110.1 и 110.2 УК РФ) [Там же]; “*criminal homicide*” (Article 210.1 МРС) – преступное человекоубийство [18], “*negligent homicide*” (Article 210.4 МРС) – убийство по небрежности [Ibidem], “*causing suicide*” (Article 210.5 МРС) – доведение до самоубийства [Ibidem], “*aiding or soliciting suicide*” (Article 210.5 МРС) – пособничество самоубийству [Ibidem], “*simple assault*” (Article 211.1 МРС) – простое нападение [Ibidem], “*aggravated assault*” (Article 211.1 МРС) – нападение при отягчающих обстоятельствах [Ibidem], “*to be committed recklessly under circumstances manifesting indifference to the value of human life*” (Article 210.2 МРС) – быть совершенным по грубой неосторожности при обстоятельствах, проявляющих безразличие к ценности человеческой жизни [Ibidem], “*to place another person in danger of death or serious bodily injury*” (Article 211.2 МРС) – поставить другое лицо в опасность причинения ему смерти или тяжкого телесного повреждения [Ibidem].

Даже беглый анализ приведённых примеров на двух языках позволяет сделать несколько важных выводов о характере номинации в статьях, посвящённых рассмотрению преступлений против жизни и здоровья. Так, русские примеры демонстрируют тенденцию включения условий совершения преступления в комплексный номинатив. Принимая во внимание тот факт, что сама лексема «убийство», являющаяся ключевым компонентом большинства приведённых примеров на русском языке, – это имя событийной семантики, мы можем говорить о том, что в самом имени скрыто пропозициональное содержание. Дополнительные лексические единицы в этом случае эксплицируют компоненты (актанты или циркумстанты) атомарной пропозиции, содержание которой актуализируется употреблением лексемы «убийство». Так, комплексный номинатив из статьи 106 УК РФ «*убийство матерью новорождённого ребёнка в условиях психотравмирующей ситуации*» [13] может быть представлен в форме сложной пропозиции, в структуре которой есть свои атомарные пропозиции: Р [мать убивает ребёнка в условиях Р1]; где можно выделить Р1 [психотравмирующая ситуация имеет место] и Р2 [мать недавно родила ребёнка]. В этом случае можно с уверенностью говорить о комплексном характере номинации. Актантами выступают мать, выполняющая роль субъекта пропозиции, и новорождённый ребёнок, который выступает в семантической роли реципиента. Остальные семантические компоненты пропозиции являются циркумстантами, служа целям номинации условий совершения преступления.

Ещё одна тенденция функционирования механизма уточнения сигнификативного значения номинатива посредством введения лексической единицы или лексических единиц в УК РФ проявляется применительно к наименованиям санкций. С одной стороны, лексической единицей может быть прилагательное, как в случае с номинативом «*принудительные работы*». С другой стороны, в приведённых выше примерах чётко прослеживается синтаксический параллелизм на уровне именных фраз: «*лишение права* (что-либо делать)».

В англоязычном юридическом дискурсе на материале МРС отмечен ряд общих тенденций. Так, в частности, усложнение номинации происходит за счёт добавления определений, типично выраженных прилагательным или причастием: “*simple assault*”, “*aggravated assault*”, “*mitigating circumstances*”, “*aggravating*

circumstances”, “*bodily injury*”, “*deadly weapon*”. Заслуживает внимания тот факт, что типичное для английского языка примыкание, реализуемое сочетанием двух существительных, когда одно из них выполняет синтаксическую роль определения к другому, практически не представлено в анализируемых статьях. Существительные формируют комплексные номинативы посредством предложных фраз: “*sentence of death for murder*” (Article 210.5 MPC) – смертный приговор за убийство [18], “*evacuation of a building*” (Article 211.3 MPC) – эвакуация здания [Ibidem], “*in disregard of the risk of...*” (Article 211.3 MPC) – с опрометчивым пренебрежением к риску [Ibidem]. Среди предложных фраз доминирует фраза с предлогом *of*, регулярно выражающая в английском определительные (*sentence of death*) и/или объектные отношения (*evacuation of a building*). Как показывают приведённые примеры, фраза с предлогом *of* часто включается в состав номинатива в качестве неделимого компонента: *in disregard of the risk of...*

Отдельного внимания применительно к механизму уточнения сигнификативного значения посредством введения дополнительной лексической единицы заслуживает оценочная семантика вводимых единиц. Для того чтобы отследить, какие типы оценки [1, с. 188-200] реализуются в анализируемых статьях, мы обратились к самому типичному средству выражения оценок – к именам прилагательным. На материале статей УК РФ и MPC, посвящённых преступлениям против жизни и здоровья, были выявлены следующие типы оценок (полная номенклатура оценок представлена в нашей работе [17, с. 121-123]):

1) нормативные оценки: «*ненадлежащее исполнение лицом своих обязанностей*» (статья 109) [13]; *a lawful arrest* (Article 211.2) – законный арест [18];

2) интеллектуальные оценки вреда / угрозы / отрицательных последствий чего-либо, в которых априори заложено значение степени выраженности признака: «*значительная стойкая утрата*» (статья 111) [13], «*средней тяжести вред*» (статья 112) [Там же], «*особая жестокость*» (статья 112) [Там же], «*неузглади-мое обезображивание лица*» (статья 111) [Там же]; “*extreme mental or emotional disturbance*” (Article 210.3) – серьёзное расстройство психики или сильное эмоциональное потрясение [18], “*substantial mitigating circumstances*” (Article 210.5) – существенные смягчающие обстоятельства [Ibidem];

3) интеллектуальные оценки определённого отношения к кому-либо/чему-либо с чётким доминированием отрицательного спектра оценочной шкалы: «*жестокое обращение*» (статья 110) [13], “*heinous, atrocious or cruel murder*” (Article 210.6) – отвратительное, зверское или жестокое убийство [18];

4) интеллектуальные оценки с семантикой временного компонента: «*длительное расстройство здоровья*» (статья 112) [13], «*предварительный сговор*» (статья 111) [Там же], “*imminent bodily harm*” (Article 211.3) – неминуемый вред здоровью (который будет иметь немедленный результат) [18].

К механизмам косвенной, или вторичной, номинации мы относим метафору, метонимию, расширение значения, сужение значения, конверсию, аналогию [16, с. 194-195].

Обратимся к анализу тех механизмов, которые использованы в статьях, рассматривающих преступления против жизни и здоровья, в УК РФ и MPC.

Самым частотным механизмом номинации в статьях, посвящённых преступлениям против жизни и здоровья, является метонимия. Сфера семантического охвата метонимии в этом случае ограничена двумя вариантами: с процесса на результат, а также с процесса на способ осуществления воздействия. Обратимся к примерам из УК РФ: «*роды*» (статья 106) [13], «*ограничение свободы*» (статьи 106, 108, 112, 115) [Там же], «*лишение свободы*» (статьи 107, 108, 110.1, 110.2, 111, 112, 114, 119) [Там же], «*арест*» (статья 119) [Там же], «*насилие*», «*издевательство*», «*тяжкое оскорбление*» (статья 107) [Там же], «*оборона*» (статья 108) [Там же], «*задержание (лица, совершившего преступление)*» (статья 108) [Там же], «*причинение смерти*» (статья 109) [Там же], «*доведение до самоубийства*» (статья 110) [Там же], «*склонение к совершению самоубийства*», «*содействие совершению самоубийства*» (статья 110.1) [Там же].

В MPC большинство примеров связано с наименованиями преступлений, но все примеры действия механизма метонимии являются существительными событийной семантики: “*commission (of a robbery)*” (Article 210.2) – совершение (вооружённого ограбления) [18], “*threat of force*” (Article 210.2) – угроза насилием [Ibidem], “*arson*” (Article 210.2) – поджог [Ibidem], “*burglary*” (Article 210.2) – кража со взломом [Ibidem], “*kidnapping*” (Article 210.2) – похищение человека [Ibidem], “*(felonious) escape*” (Article 210.2) – (преступный) побег [Ibidem], “*mayhem*” (Article 211.1) – искалечение, нанесение увечья [Ibidem], “*assembly*” (Article 211.3) – собрание [Ibidem], “*evacuation*” (Article 211.3) – эвакуация [Ibidem].

Лексемы «*угрозы*», «*жестокое обращение*», «*унижение человеческого достоинства потерпевшего*» в статье 110 УК РФ, а также «*уговоры*», «*предложения*», «*подкуп*», «*обман*», «*совет*», «*указание*», «*предоставление информации*», «*устранение препятствий*» в структуре пропозиции соответствующего предложения статьи 110.1 УК РФ выполняют семантическую функцию инструментария, именуя способ действия.

Аналогичный случай находим в MPC: “*(by) force, duress, deception*” (Article 210.5) – путём применения насилия, физического принуждения, обмана [Ibidem]. Перечисленные лексемы, номинация которых основана на метонимии, также в структуре пропозиции реализуют функцию «инструменталиса» (в терминологии Ч. Филлмора [15]), то есть в данном случае именуется способ оказания воздействия.

Пример расширения значения был обнаружен только в MPC [18] при сопоставлении двух лексем, называющих преступления против жизни и здоровья: “*assault*” – нападение и “*battery*” – побои. Хотя законодательные акты, определяющие побои, значительно отличаются в зависимости от юрисдикции, типичное определение для побоев – это преднамеренное оскорбительное прикосновение к другому лицу без его согласия с нанесением телесных повреждений. На первый взгляд может показаться, что речь идёт о совсем разных лексических

единицах, которые в самом общем виде можно противопоставить как попытку и акт совершения деяния. Однако здесь нельзя упустить анализ сочетаемостных вариантов. Так, в частности, *sexual assault* – это нападение, а не его попытка. В этой связи мы признаём именно за лексемой “*assault*” широкое значение, которое конкретизируется под воздействием факторов экстралингвистического контекста и вербального контекста.

Конверсия как механизм, при котором лексема переходит из одной частеречной парадигмы в другую [3, с. 85-92], представлена как в статьях, посвящённых преступлениям против жизни и здоровья, в УК РФ, так и в статьях той же тематики в МРС. При этом конверсия в статьях на русском языке и на английском языке отличается по типу производящей основы. В обоих языках конверсия представлена номинализацией, однако в русском языке это переход прилагательного в существительное, а в английском языке – потеря глагольной формы части своих свойств и частичное приобретение ею свойств существительного. Примерами из УК РФ являются следующие лексемы: «*потерпевший*», «*несовершеннолетний*», «*виновный*» (статья 110), «*близкие*» (статья 111) [13]. Примерами конверсии, обнаруженными в МРС, выступают следующие комплексные номинативы, в состав которых входит герундий или отглагольное существительное, в семантике которых всё ещё сохраняются глагольные свойства, а в случае герундия они сохраняются и в функционировании: “*causing another to commit suicide*” (Article 210.5) – довести другое лицо до самоубийства [18], “*aiding suicide*” (Article 210.5) – пособничество самоубийству [Ibidem], “*the proceeding*” (Article 210.6) – судебный процесс [Ibidem], “*(in) exercising discretion*” (Article 210.6) – в осуществлении дискреционного права [Ibidem], “*avoiding or preventing a lawful arrest*” (Article 210.6) – избежание или предотвращение законного ареста [Ibidem], “*recklessly endangering another person*” (Article 211.2) – опрометчивое оставление другого лица в опасности [Ibidem].

Сопоставительный анализ конверсии на языковом материале рассматриваемых статей, касающихся преступлений против жизни и здоровья, чётко демонстрирует разные тенденции словообразования в русском и английском языках: отымённая модель реализуется в русском языке и отглагольная – в английском.

Анализ синтаксических моделей глагольных и именных фраз, формирующих комплексные номинативы в статьях, посвящённых преступлениям против жизни и здоровья, в УК РФ и МРС позволил сделать следующие выводы. С учётом признаков флективности и синтетичности, характеризующих строй русского языка, и аналитического характера английского языка неудивительно, что совпадающих моделей оказалось не так много. Мы рассматриваем их через латинские аббревиатуры с опорой на частеречную принадлежность компонентов. Уточним, что мы останавливаемся на композиционном строении именных групп, потому что глагольные фразы и в русском, и в английском языках реализуются двумя моделями: **V (+ pr) (+ Adj) + N** или **V + Pron + inf** (только для английского языка): 1) «*находиться в беспомощном состоянии*» (статья 110) [13], «*прекратить преступную деятельность*» (статья 110.2) [Там же], «*освободиться от уголовной ответственности*» (статья 110.2) [Там же], “*to present argument*” (Article 210.6) – представить аргумент, представить довод [18], “*to rebut the evidence*” (Article 210.6) – опровергнуть доказательства [Ibidem]; 2) “*to cause another to commit suicide*” (Article 210.5) – принудить кого-либо к совершению самоубийства [Ibidem], “*to aid another to commit suicide*” (Article 210.5) – содействовать совершению самоубийства [Ibidem], “*to solicit another to commit suicide*” (Article 210.5) – подстрекать к совершению самоубийства [Ibidem].

Применительно к именным фразам к общим относится простейшая двухкомпонентная модель **Adj + N**: «*исправительные работы*» (статья 107) [13], «*принудительные работы*» (статья 107) [Там же], «*организованная группа*» (статья 110) [Там же], «*общеполитический способ*» (статья 111) [Там же], а также “*negligent homicide*” (Article 210.1) – убийство по неосторожности [18], “*criminal homicide*” (Article 210.2) – преступное человекоубийство [Ibidem], “*exceptional depravity*” (Article 210.6) – исключительная порочность [Ibidem].

Ещё одна модель, нашедшая отражение в обоих кодексах, реализуется схемой **pr + Adj + N**: «*по предварительному сговору*» (статья 110) [13], «*с особой жестокостью*» (статья 111) [Там же], «*из хулиганских побуждений*» (статья 112) [Там же], “*by mutual consent*” (Article 211.1) – по взаимному согласию [18], “*by physical menace*” (Article 211.1) – угрозой физическим насилием [Ibidem], “*with a deadly weapon*” (Article 211.1) – при помощи смертельного оружия [Ibidem].

Для русского языка наиболее заполненными в плане реализации синтаксических моделей комплексных номинативов стали следующие образцы:

N + N + N: «*содействие совершению самоубийства*» (статья 110.1), «*средства совершения самоубийства*» (статья 110.1), «*орудия совершения самоубийства*» (статья 110.1), «*способы совершения самоубийства*» (статья 110.2) [13];

N + N + pr + N: «*причинение смерти по неосторожности*» (статья 109), «*доведение лица до самоубийства*» (статья 110), «*признаки доведения до самоубийства*» (статья 110.1) [Там же];

N + pr + N + N: «*склонение к совершению самоубийства*» (статья 110.1), «*покушение на самоубийство несовершеннолетнего*» (статья 110.1), «*побуждение к совершению самоубийства*» (статья 110.2), «*призывы к совершению самоубийства*» (статья 110.2) [Там же];

Pr + N + Adj + N: «*в условиях психотравмирующей ситуации*» (статья 106), «*в состоянии психического расстройства*» (статья 106), «*в отношении малолетнего лица*» (статья 111), «*в отношении социальной группы*» (статья 111) [Там же].

В статьях МРС, посвящённых преступлениям против жизни и здоровья, именные фразы реализуются по следующим доминантным синтаксическим моделям:

Adj + pr + Adj + N: “*guilty of criminal homicide*” (Article 210.1) – виновный в преступном человекоубийстве, “*guilty of aggravated assault*” (Article 211.1) – виновный в нападении при отягчающих обстоятельствах [18];

Adj + Adj + N: “*substantial mitigating circumstances*” (Article 210.6) – значительные смягчающие обстоятельства, “*prior criminal activity*” (Article 210.1) – предшествующая преступная деятельность [Ibidem];

N + pr + N: “*a crime of violence*” (Article 211.3) – насильственное преступление, “*commission of crime*” (Article 210.6) – совершение преступления, “*determination by Court*” (Article 210.6) – определение суда, “*extenuation of (one’s) conduct*” (Article 210.6) – улучшение поведения [Ibidem].

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. Анализ механизмов номинации, использованных в статьях, посвящённых преступлениям против жизни и здоровья, в Уголовном кодексе Российской Федерации и Примерном уголовном кодексе Соединённых Штатов Америки позволил выделить общее ядро механизмов, которые с высокой долей частотности функционируют в обоих кодексах. Речь, в частности, идёт об уточнении сигнификативного значения номинативной единицы посредством введения дополнительной лексической единицы или лексических единиц, о метонимии, а также о конверсии. Эти три механизма обнаружены в статьях обоих кодексов. Расширение значения было отмечено только в Примерном уголовном кодексе Соединённых Штатов Америки. Другие механизмы на материале анализируемых статей выявлены не были. Анализируя реализацию механизма уточнения сигнификативного значения номинативной единицы посредством введения определения, мы выделили те типы оценочных значений, которые актуализируются посредством прилагательных оценочной семантики. К таковым относятся нормативные оценки, интеллектуальные оценки вреда / угрозы / отрицательных последствий чего-либо, интеллектуальные оценки определённого отношения к кому-либо/чему-либо с чётким доминированием отрицательного спектра оценочной шкалы, а также интеллектуальные оценки с семантикой временного компонента.

В ходе анализа синтаксических моделей в рамках комплексных номинативов были выделены одна модель построения глагольных фраз, общая для двух языков: V (+ pr) (+ Adj) + N, и две модели построения именных фраз: Adj + N и pr + Adj + N.

Проведённое исследование открывает ряд **перспектив дальнейшего изучения** языкового оформления юридических текстов при внимании к признакам, определяющим дискурсивную природу текста и, соответственно, обуславливающим избирательность языковых средств. С одной стороны, выявленные закономерности могут положить начало крупномасштабным сопоставительным исследованиям в рамках теории дискурса с учётом жанрового разнообразия среди текстов одного дискурсивного профиля. С другой стороны, дальнейшая работа по выявлению специфики номинации применительно к рассматриваемой референтной области открывает возможности исследования механизмов номинации, использованных в наименованиях других типов преступлений.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Балхия К., Таттибаева А. Способы номинации и мотивации композитообразований // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (г. Казань, 11-13 дек. 2001 г.): труды и материалы: в 2-х т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. Т. 2. С. 52-55.
3. Буров А. А. Лексический способ номинации и номинационно-синтаксическая конверсия в русском языке // Вестник Ставропольского государственного университета. Серия «Языкознание и литературоведение». 2002. № 30. С. 85-92.
4. Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике / ред. А. Е. Кибрик. М.: Прогресс, 1982. Вып. XI. С. 376-410.
5. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (общие вопросы) / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 230-294.
6. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
7. Демьянков В. З. Фреймовая семантика // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 189-191.
8. Колшанский Г. В. Языковая номинация (общие вопросы). М.: Наука, 1977. 358 с.
9. Комлев Н. Г. Ономастиология как учение о языковом обозначении неязыковой действительности // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сб. статей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. С. 80-89.
10. Кубрякова Е. С. Части речи в ономастиологическом освещении. М.: ЛКИ, 2008. 120 с.
11. Серебренников Б. А., Уфимцева А. А. Языковая номинация (виды наименований). М.: Наука, 1977. 356 с.
12. Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований. М.: Наука, 1986. 254 с.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.08.2020).
14. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М.: Наука, 1968. 287 с.
15. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. X. С. 496-530.
16. Шашкова В. Н. Анализ средств и механизмов номинации, используемых при описании референтной области «Деятельность сотрудника ОВД» (на материале русского и английского языков) // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации: сборник материалов III Международной научно-практической конференции (26-27 марта 2018 г.). Орел: ОГУ имени И. С. Тургенева, 2018. С. 192-199.
17. Шашкова В. Н. Специфика актуализации оценочных прилагательных в нормативных актах (на материале Федерального закона Российской Федерации «О полиции» № 3-ФЗ) // Культура речи в многонациональной среде: современные проблемы общества и образования: материалы Всероссийского семинара (31 января 2019 г.). Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2019. С. 120-124.
18. Model Penal Code [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/stream/ModelPenalCode_ALI/ (дата обращения: 25.08.2020).

Comparative Analysis of Lexical Units Nominating Crimes against Life and Health in the Criminal Code of the Russian Federation and the Model Penal Code of the United States of America

Shashkova Valentina Nikolaevna, PhD

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
valentina.shash@mail.ru

The paper aims to reveal linguistic specificity of the articles "Crimes against Life and Health" in the Criminal Code of the Russian Federation and the Model Penal Code of the United States of America taking into account typical nomination mechanisms and syntactic models of complex nominative units. Scientific originality of the study lies in the fact that nominations of crimes against life and health are for the first time considered in the comparative aspect, with a view to identify the dominant features of nomination. The conducted research allows revealing the following mechanisms of crime nominations formation: clarifying significant meaning, metonymy and conversion. Poly-lexeme nomination models are determined by the language structure: similarity is revealed only at the level of semantic valence.

Key words and phrases: nominative unit; nomination mechanisms; significant meaning; metonymy; conversion.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.62>

Дата поступления рукописи: 08.08.2020

Цель исследования состоит в рассмотрении логико-смысловых и лингвистических особенностей аннотации к научной статье на английском и русском языках. В статье сопоставляются структурные параметры аннотации, вербальное оформление ее разделов на английском и русском языках, выявляются проблемы перевода с русского языка на английский. **Научная новизна** заключается в комплексном анализе структурно-семантических и лингвистических характеристик аннотаций к научным статьям близкой тематики в англоязычном и русскоязычном научном дискурсе. **В результате** доказано, что проблемы перевода аннотации обусловлены не столько лингвистическими причинами, сколько разницей в принятой логике научного изложения и изначальными целевыми установками.

Ключевые слова и фразы: англоязычный научный дискурс; русскоязычный научный дискурс; аннотация; вербальное оформление; логика изложения; проблемы перевода.

Шутова Нелла Максимовна, к. филол. н., доц.

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск
Nella_Shutova@mail.ru

Померанец Инна Борисовна, к. филол. н.

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
ipomeranets1@gmail.com

Аннотация к научной статье на английском и русском языках: сопоставительный анализ и проблемы перевода

Актуальность темы исследования обусловлена возросшей в последнее время практической необходимостью сопровождения переводом на английский язык аннотаций к русскоязычным научным статьям. Анализ большинства таких переводов свидетельствует о том, что их авторы воспринимают свою задачу как сугубо лингвистическую, что приводит к буквалистскому переводу [7, с. 137] и затрудняет восприятие смысла научной публикации иноязычным читателем.

Для достижения указанной цели исследования необходимо было решить следующие **задачи**: 1) определить формально-структурные особенности аннотаций, написанных носителями двух рассматриваемых языков; 2) выявить логические составляющие аннотации, характерные для научного дискурса на обоих языках; 3) сопоставить количественные данные, отражающие их присутствие в рассматриваемых аннотациях; 4) определить сходства и различия в лингвистических средствах вербализации определенных смысловых блоков аннотаций; 5) выработать рекомендации для переводчиков.

Теоретической базой исследования послужили публикации отечественных и зарубежных авторов, в которых рассматриваются особенности научного дискурса в целом [2-4; 8] и специфические черты аннотации к научной статье [6; 10; 11]. Исследователи, как правило, сосредотачивают внимание на описании общих структурных особенностей научной статьи, аннотации к ней, оформлении выводов и т.д., использовании определенных оборотов речи и клишированной лексики, не проводя системного сопоставительного анализа текстов отдельных научных жанров на разных языках. Необходимость такого анализа становится очевидной в процессе